

Персонализация и анонимизация места гибели человека в ДТП (на примере федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241)

DOI 10.31483/r-103766

УДК 393

Матлин М. Г.

и ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», ROR Ульяновск, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>, e-mail: matlin@mail.ru

Резюме: Введение. Традиция отмечать места гибели людей в ДТП сегодня распространена на всех континентах и в большинстве стран, в том числе и в России. Придорожные памятники, которые устанавливаются при этом, бывают двух типов: одни соответствуют памятникам на кладбищах, другие нет. Иногда для близких достаточно только отметить само место гибели. Тогда устанавливается памятник, полностью или частично лишенный сведений о погибшем. Это явление называется анонимизацией места гибели. Но для многих важно не само место, а память о погибшем человеке. В таком случае памятник содержит максимально возможную информацию о погибшем, так создается персонализация и индивидуализация. Она может воплощаться при помощи конструктивных особенностей памятника, фотографий или изображений погибшего, персональных сведений, эпитафий и предметов, которые размещаются на памятнике или около него. В статье приводятся данные о своеобразии персонализации и анонимизации, полученные в результате обследования трасс А 151, Р 241, Р178. **Результаты исследования.** Установлено, что на трассе Р 241 полностью анонимные поминальные знаки составляют 19 процентов, на трассе А 151 – 33 процента, на трассе Р 178 – 50 процентов. Можно предположить, что более высокая степень анонимизации на трассе А 151 и Р 178 обусловлена особыми типами поминальных знаков (вазон на трассе Р 178, беседка и оградка без таблички на трассе А 151), а также большого количества старых металлических знаков, которые утратили фотографии, таблички со сведениями о погибшем. Между анонимизацией и персонализацией нет четких границ, существует большое количество переходных явлений, которые одновременно можно определить и как частичную персонализацию, и как частичную анонимизацию.

Ключевые слова: персонализация, анонимизация, традиция, места гибели, придорожный памятник, поминальный знак.

Для цитирования: Матлин М. Г. Персонализация и анонимизация места гибели человека в ДТП (на примере федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241) // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 51-57. DOI:10.31483/r-103766.

Personalization and Anonymization of the Place of Death of a Person in an Accident (Using the Example of Federal Highways a 151, P 178, P 241)

Michael G. Matlin

ROR FSBEI of HE "Ulyanovsk State University of Education", Ulyanovsk, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>, e-mail: matlin@mail.ru

Abstract: Introduction. The tradition of marking the places of death in road accidents is now widespread on all continents and in most countries, including Russia. Roadside monuments, which are installed at the same time, are of two types: some correspond to monuments in cemeteries, others do not. Sometimes it is enough for loved ones only to mark the place of death itself. Then a monument is erected, completely or partially devoid of information about the deceased. This phenomenon is called anonymization of the place of death. But for many, it is not the place itself that is important, but the memory of the deceased person. In this case, the monument contains the most detailed information about the deceased, so personalization and individualization are created. It can be embodied with the help of the design features of the monument, photographs or images of the deceased, personal information, epitaphs and objects that are placed on or near the monuments. The article presents data on the uniqueness of personalization and anonymization, obtained as a result of a survey of routes A 151, P 241, P178. **Research results.** It was out that completely anonymous memorial signs make up 19% of all signs on the highway P 241, reach – 33% on the highway A 151 and 50% on the highway P 178. It can be assumed that a higher degree of anonymization on the A 151 and P 178 highway is due to special types of memorial signs (a flowerpot on the P 178 highway, a gazebo and a fence without a sign on the A 151 highway), as well as a large number of old metal signs that have lost photos, plates with information about the deceased. There are no clear boundaries between anonymization and personalization, there is a large number of transitional phenomena that can be simultaneously defined as both partial personalization and partial anonymization.

Keywords: personalization, anonymization, tradition, places of death, roadside monument, memorial sign.

For citation: Matlin M. G. (2022). Personalization and Anonymization of the Place of Death of a Person in an Accident (Using the Example of Federal Highways a 151, P 178, P 241). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(4), 51-57. (in Russ.). DOI:10.31483/r-103766.

Введение

Традиция отмечать места гибели людей в дорожно-транспортных происшествиях существует в на-

стоящее время в десятках стран на всех континентах. Уже четверть века она является важным объектом исследований в европейской и североамериканской

антропологии, этнографии, фольклористике, культурной (гуманитарной) географии и др. Общеизвестной стала ее интерпретация как формы специфического духовно-практического отношения к месту гибели человека в ДТП. Несмотря на то, что тело погибшего погребено на кладбище, особое отношение к месту гибели существует потому, что «это конкретное место часто более важно для живых, чем могила», так как оно «больше привязано к образу живого человека, а не к хранящемуся мертвому телу» [Nešporová, 2008, с. 153]. В устанавливаемом на месте гибели человека памятнике – поминальном знаке объективируется и опредмечивается не только индивидуальная память о нем, но и отношение к смерти, которое характерно для той или иной национальной культуры и конфессии, а также для тех, кто их устанавливает, поддерживает, порою трансформирует, ибо эти знаки как бы материализуют «веру в то, что это портал, через который живые могут общаться с мертвыми, как если бы они все еще присутствовали» [Vednar, 2011, с. 22–23; см. также: Сантино, 2019, с. 24].

Устанавливаемый придорожный памятник – поминальный знак, как точно отметили Дженнифер Кларк и Эшли Чешир, «переносит атрибуты культа знаменитости на человека, который, возможно, не совершил ничего героического или запоминающегося, но был важен для ближайшего круга семьи и друзей. При всех различиях внутри образцов торжество индивидуальности выделяется как константа. Крест отмечает место смерти близкого человека, а степень информации или приукрашивания, присутствующая на месте гибели, выражает степень, в которой друзья и семья хотят выставить частную жизнь в публичном пространстве.

Индивидуальность в виде придорожного мемориала также маркирует место трагедии, как лично, так и конкретно, чтобы те, кто должен скорбеть, могли чувствовать себя более тесно связанными с умершим любимым человеком и могли легче соединиться с местом, которое символизирует источник их боли и их утешения» [Clark J., Cheshire A., 2004, с. 216].

Персонализация, индивидуализация и анонимизация по-разному проявляются в других странах, а также в разных регионах отдельных стран. Например, она почти нулевая в Бухаресте (Румыния), тогда как в Кентукки (США) достигает 90 процентов и 82 процентов в Польше [Przybylska, Flaga, 2019, с. 210–211].

Это явление характерно и для России. Однако исследование того, как это происходит, какие сведения о человеке и в каком объеме выносятся в публичное пространство, показывает, что существует и противоположная тенденция – анонимизация, т.е. отсутствие каких-либо сведений или их минимум на месте гибели и памятнике.

Материалы и методы исследования

Материал был получен в результате сплошной фиксации придорожных поминальных знаков в процессе объезда части автотрасс Чувашии, Татарстана, Мордовии:

– трасса А 151: с. Шемурша – г. Цивильск (до пересечения с трассой М 7 «Волга»), 120 км; выявлено 134

поминальных знака (100 постоянных и 34 временных), знак с самой ранней датой гибели человека – 1984 г., с самой поздней датой – 2018 г.;

– трасса Р 241: с. Бурундуки – с. Лесные Моркваши (до пересечения с трассой М 7 «Волга»), 130 км; 98 поминальных знаков (86 постоянных и 12 временных), знак с самой ранней датой гибели человека – 1977 г., с самой поздней датой – 2019 г.;

– трасса Р 178: пос. Красное Польцо – г. Саранск, 112 км; 88 поминальных знаков (82 постоянных и 6 временных), знак с самой ранней датой гибели человека – 1965 г., с самой поздней датой – 2018 г.

Также было произведено фотографирование объектов, определение их координат и частично интервьюирование дорожных рабочих, жителей населенных пунктов. Объезд совершался многократно (А 151 – июль 2013 г., май 2014 г., август 2020 г., апрель 2021 г.; Р 241 – июль 2013 г., август 2020 г., апрель 2021 г.; Р 178 – июль 2013 г., апрель 2021 г.), что позволило установить некоторые особенности динамики традиции [Матлин, 2022]. Одновременно были сняты скриншоты фотографий трасс на Google Maps за 2018 г., частично 2013, 2014 и 2019 гг., а также определены координаты некоторых знаков при помощи Яндекс.Maps и Google.Maps.

Таким образом, на всех трассах с 2013 по 2021 гг. выявлено 320 знаков с датами гибели с 1965 по 2019 гг.

В связи с тем, что объезды указанных трасс и изучение карт Яндекс.Maps и Google.Maps осуществлялось многократно в период с 2013 по 2021 гг., определение количества поминальных знаков вызвало некоторые сложности. Во-первых, на трассах зафиксировано как исчезновение некоторых знаков (на трассе А 151 весьма значительное вследствие указания Главы Чувашской Республики в 2014 г. убрать все придорожные памятники), так и замена знаков одного типа на другие – временные заменялись на постоянные, а некоторые постоянные – на постоянные другого типа (например, на трассе Р 178 металлический обелиск заменен на вазон). Во-вторых, могли добавляться или удаляться компоненты памятника (например, на трассе Р 241 в оградку добавили каменную стелу, а на трассе А 151, наоборот, убрали стелу и обновили табличку на оградке). Зафиксировано и наличие в оградке двух памятников одному погибшему – старый (металлический) и новый (каменный). В-третьих, на одном памятнике на трассе А 151, поставленном двум погибшим, размещены два конфессиональных знака – православный и мусульманский. В-четвертых, на трассе Р 178 обнаружено удвоение поминальных знаков: три знака трем погибшим установлены на обочине за отбойником и три знака в овраге (дорога проходит над ним). Данные факторы определили не только различное количество поминальных знаков в разные годы, но и динамический характер традиции как одного из ее важнейших качеств см.: [Матлин, 2022]. Поэтому количество указанных поминальных знаков на каждой из трасс и на всех вместе – это общее количество знаков разного типа, выявленных в период с 2013 по 2021 гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Вся выявленные знаки можно разделить на две большие группы:

1. Знаки, которые следуют кладбищенской традиции, – памятник надмогильного типа (крест, стела, обелиск, могильная оградка, мемориал) или элемент похоронно-поминальной традиции (венок, траурная лента). Эти знаки можно назвать кенотафами, понимая под ними поминальный знак кладбищенского типа, поставленный на месте гибели человека в ДТП или в результате другого трагического события, совпадающий с основными типами надмогильных памятников, существующих или существовавших до недавнего времени в Среднем Поволжье (крест, стела, обелиск, могильная оградка, мемориал). Под мемориалом же будем понимать разновидность многочастного кенотафа, обладающего сложной пространственной структурой и семантической целостностью см.: Матлин, Сафронов 2014.

2. Знаки, не воспроизводящие кладбищенскую традицию, – природный или культурный объект, преобразованный в знак (вазон с цветами, беседка с цветами, дерево с цветами, части автомашины – колесо, руль, разбитое лобовое стекло).

Между ними нет абсолютно жесткой границы, так как вазон может иметь табличку кладбищенского типа с фотографией и датами жизни и смерти погибшего; на дереве могут размещаться похоронные венки, таблички кладбищенского типа, фотографии.

С точки зрения особенностей материалы изготовления, длительности существования все придорожные памятники можно также подразделить на временные, или спонтанные, и постоянные. На это, в частности, указали М. Клаассенс, П. Гроот и Ф. Ванклай, отметив, что «продолжительность времени после смерти и долговечность используемых материалов» имеют принципиальное значение для разграничения спонтанных

и постоянных придорожных памятников [Klaassens et al., 2013, с. 150]. Важность выделения этих типов поминальных знаков обусловлена тем, что способ и степень персонализации и анонимизации в них выражается по-разному: временные памятники (цветы, венки, траурные ленты) воплощают абсолютную степень анонимности и указывают только на то, что это место – место гибели человека или группы людей, постоянные памятники не только обозначают место гибели, но и персонализируют и индивидуализируют произошедшую трагедию.

Обследование также показало наличие региональной специфики традиции. На трассе А 151 (Чувашия) это деревянная или металлическая беседка с цветами (рис. 1), на трассе Р 178 (Мордовия) – вазон с цветами (рис. 2), на трассе Р 241 (Татарстан) – металлические оградки с табличками и без них (рис. 3).

Региональная специфика традиции

Рис. 1. Беседка с православным крестом. Трасса А 151

Fig. 1. Gazebo with an Orthodox cross. Highway A 151

Рис. 2. Вазон с цветами. Трасса Р 178

Fig. 2. A flowerpot with flowers. Highway R 178

Рис. 3. Металлическая оградка без таблички. Трасса Р 241

Fig. 3. Metal fence without a sign. Highway R 241

Персонализация и индивидуализация места гибели человека / группы людей в придорожных памятниках – поминальных знаках может воплощаться при помощи конструктивных особенностей придорожного памятника; фотографий или изображений погибшего/

погибших; их персональных сведений; эпитафий, в которых сообщаются прямо или опосредованно некоторые данные о них; предметов, прямо или косвенно также персонализирующие место катастрофы.

Именно эти стороны поминальных знаков, особенно в их сово-

купности, раскрывают, воплощают личность погибшего, создавая персонализацию и индивидуализацию места гибели, а, соответственно, «оставление их без описания означает их более слабую персонализацию» [Przybylska, Flaga, 2020, с. 216].

Персонализация и индивидуализация места гибели при помощи конструктивных особенностей придорожного памятника (рис. 4 и 5).

Рис. 4. «Дети – цветы жизни». Трасса Р 178

Fig. 4. "Children are the flowers of life". Highway R 178

Рис. 5. Знак конфессии на вазоне. Трасса Р 178

Fig. 5. The sign of the denomination on the flowerpot. Highway R 178

Важную роль в персонализации и индивидуализации места гибели играют фотографий погибшего / погибших. Количество памятников с фотографиями от общего числа постоянных памятников отражено в таблице 1.

Фотография на кладбищенском памятнике в виде эмалированной овальной таблички, как отмечал Ф. Аррьес, в XX в. распространилась в народной среде. «Фото на эмали может сохраняться очень долго, и, вероятно, уже на могилах солдат первой мировой войны, павших на поле брани, впервые появляются такие портреты. Впоследствии обычай этот распространился, особенно в странах средиземноморья,

где, гуляя по кладбищу, словно листаешь страницы старого семейного альбома» [Аррьес, 1992, с. 437]. В Советском Союзе это произошло скорее всего после войны, а на сельских кладбищах, такие фотографии на надгробных памятниках стали размещаться с конца 60 – начала 70 гг. XX в [Петрова]. Они изготовлялись и укреплялись на кладбищенских памятниках не только одновременно с их установкой, но и на старых памятниках, прежде всего деревянных и металлических крестах, на которых их изначально не было. Это меняло статус и природу надгробного памятника – быть только знаком смерти и этноконфессиональным знаком.

Это же определило изменения и в придорожном поминальном знаке.

Как и традиционный сельский кладбищенский памятник без фотографии, придорожный памятник как знак смерти безлик, неиндивидуален и прежде всего выделяет в придорожном пространстве место гибели, сообщая своими конструктивными особенностями такие типовые сведения о погибшем, как период гибели и его этноконфессиональную принадлежность. Как и многие старые православные кресты, металлические стелы и обелиски на сельских кладбищах, поминальные знаки безымянны. На них невозможна даже такая традиционная для сельского надгробного креста надпись, как «Под сим крестом покоится прах (тело)...», ибо это в полном смысле слова – пустая могила. Но фотография принципиально все меняет. Благодаря ей погибший/погибшие перестают быть только фактом статистики ДТП, обретают неповторимый облик, становятся субъектом коммуникации, а общение с ними приобретает личностный и эмоциональный характер. Фотография на придорожном памятнике способствует рождению виртуального образа человека на том месте, где он еще был жив, так что поминальные знаки, материализуя память, переносят «жизнь, потерянную в автомобильной катастрофе, в жизнь, прожитую самим святилищем на обочине дороги», они «живут», стоя на ветру, под солнцем и дождем, выполняя свою работу, как человек», и в тоже время, как бы замещая жертву, празднуя «новые дни рождения, юбилеи и праздники» [Bednar, 2011, с. 19, 22–23].

Таблица 1

Количество памятников с фотографиями от общего числа постоянных памятников, в процентах

Table 1

The number of monuments with photos of the total number of permanent monuments, as a percentage

Трасса	Р 178		Р 241		А 151	
	есть	нет	есть	нет	есть	нет
Фотографии на постоянных памятниках	30	70	72	28	59	41

Однако необходимо отметить, что степень индивидуализации образа погибшего определяет не только само наличие фотографии, но ее особенности, вот почему необходимо учитывать следующие моменты:

- тип фотографии: официальная (на паспорт, пропуск или какой-либо другой документ), изготовленная в фотоателье, и любительская, бытовая, предназначенная для домашнего использования;

- возраст человека, изображенного на фотографии: молодой парень или девушка, мужчина и женщина средних лет;

- изображение детей или взрослых с детьми, семейных пар;

- выражение лица на фотоснимки: строгое, неэмоциональное или, наоборот, ярко эмоциональное, например, улыбающееся;

- одежду, в которую одет человек на фотографии: военная форма у мужчин, отслуживших срочную службу; форма милиционеров или полицейских, погибших при исполнении служебных обязанностей или в автокатастрофе; гражданская одежда – строгая (костюм и галстук у мужчин, жакет у женщин), праздничная, повседневная;

- ракурс фотосъемки: в анфас (как правило на фото для официальных документов); изображение в профиль, в три четверти, вид сверху и проч. часто встречается на любительских фотографий или художественных фотопортретах.

Чем больше индивидуальных признаков на фотографии, тем неповторимее, персонализированнее становится виртуальный образ погибшего.

Персонализация и индивидуализация места гибели при помощи персональных сведений о погибшем / погибших

Индивидуализация и персонализация места гибели также формируется в результате полного или частичного размещения на придорожном памятнике – поминальном знаке сведений о погибшем. Их объем может быть обусловлен сознательным действием того или тех, кто установил поминальный знак, соблюдением требований конфессии, кладбищенской традицией, а также сформировавшейся в конкретном регионе традицией устанавливать придорожные поминальные знаки определенного типа (вазоны в Мордовии), предметами, размещенными у знака. Таким образом, «количество информации, представленной на месте, выражает “степень, в которой друзья и семья хотят раскрыть частную жизнь в публичном пространстве”» [Clark, Cheshire, 2004, с. 216].

Сведения, которые размещаются на поминальных знаках:

1. Надличностные (сверхличностные): цитаты из священных (сакральных) текстов христианских и мусульманских; стихотворные и прозаические тексты (часто это ритмическая проза), представляющие собой цитаты из известных произведений, традиционные эпитафии, а также индивидуальное творчество тех, кто устанавливал поминальный знак.

2. Персональные данные погибшего: фамилия, имя, отчество, даты жизни и смерти или только дата гибели

(день, месяц и год); знак конфессии (христианский крест, иконка, изображение Богородицы и пр., мусульманский полумесяц со звездой или без нее, изображение минаретов, цитата из Корана и т. п.).

3. Так как на многих поминальных знаках советского периода по разным причинам не всегда размещался конфессиональный знак, можно считать полными персональными данными фамилию, имя, отчество, пол (определяемый по фотографии или фамилии и имени) и даты рождения и смерти.

4. Другие сведения, например, причина или обстоятельства гибели («трагически погибли»), место жительства, семейное положение или родственные связи (*братыма булэк* ‘брат-близнец’) и проч. практически не встречаются, хотя порою входят прямо или иносказательно в состав эпитафии («Из жизни ты ушел мгновенно, но боль оставил навсегда»).

Надписи на поминальных знаках могут дополнять или особо подчеркивать некоторые сведения о личности погибшего, например: «Мы сожалеем, плачем и скорбим, что ты остался вечно *молодым*» (выделено нами. – М. М.) (Р 241) – указывает на возраст погибшего; «Да благословит Аллах ребенка!» (трасса Р 178) – надпись на траурной ленте на татарском языке указывает на национальность и возраст погибшего.

Предметы на поминальных знаках или около них, например, мягкие игрушки, цветник подчеркивают пол и возраст погибшей девушки (трасса Р 241).

Однако необходимо уточнить, что указанная персонализация и индивидуализация является не только результатом сознательных действий тех, кто устанавливал памятник. Для участников дорожного движения она может остаться частично или даже полностью скрытой, т. е. памятник может исчезнуть, стать полностью анонимным, если он находится на значительном расстоянии от дороги, закрыт растительностью (травой, кустарником, деревьями) или рельефом (размещен в овраге или под крутым откосом). Важно также учитывать, что скорость движения на федеральных трассах такова, что не позволяет более или менее длительно акцентировать внимание на придорожных памятниках, считывать имеющуюся информацию о погибшем / погибших и вступать с ними в эмоциональное взаимодействие (об особенностях восприятия водителями и пассажирами таких памятников см.: Матлин, 2021).

Иначе говоря, персонализация и индивидуализация, сформированные набором постоянных признаков, это скорее потенциальная возможность памятников на месте гибели человека/людей, которая может быть открыта и воспринята внешними наблюдателями, но может и не проявиться, если этому препятствуют особенности их расположения, природные процессы и конкретные ситуации дорожного движения.

Анонимизация места гибели, как и индивидуализация и персонализация, также формируется отсутствием персональных сведений о погибшем на поминальном знаке, которая может быть обусловлена сознательным действием того или тех, кто установил этот знак, утратой этих сведений в результате его разрушения, особен-

Наличие и отсутствие персональных сведений на памятниках, в процентах

Table 2

Presence and absence of personal information on monuments, as a percentage

Персональные сведения / трасса	Р 241	Р 178	А 151
Полностью отсутствуют	19	50	33
Присутствуют полностью или частично	73	50	64
Не удалось прочесть	8	–	3

ностью знака (вазон, беседка, оградка) или материала, использованного для его создания (цветы или венки без траурной ленты). Между этими двумя крайними точками единого процесса располагается большое количество переходных явлений, которые одновременно можно определить и как частичная персонализация, и как частичная анонимизация.

Выводы

Персонализация и анонимизация места гибели человека в ДТП – сложное динамическое явление, обусловленное совокупностью социальных, природных, ситуационных и индивидуальных факторов. Хотя оно по-разному реализуется в деятельности тех, кто устанавливает поминальные знаки, можно заметить определенную региональную специфику на исследуемых трассах: на трассе Р 241 (Татарстан) полностью анонимные поминальные знаки составляют 19 процентов, на трассе А 151 (Чувашия) – 33 процента, на трассе Р 178 (Мордовия) – 50 процентов (табл. 2).

Можно предположить, что более высокая степень анонимизации на трассе А 151 и Р 178 обусловлена сформировавшейся там традицией устанавливать поминальные знаки определенного типа (вазон на трассе Р 178, беседка и оградка без таблички на трассе А 151), а также наличием значительного количества старых поминальных знаков, прежде всего, металлических, которые утратили и фотографии, и таблички со сведениями о погибшем / погибших.

Между персонализацией и анонимизацией нет четких границ, так как существует большое количество переходных явлений, которые одновременно можно определить и как частичная персонализация, и как частичная анонимизация.

Предметы, способствующие персонализации погибшего (бытовые фотографии, игрушки, целые си-

гареты и пачки сигарет, зажигалки, бутылки пива, фрукты, конфеты, талисманы и проч.), присутствуют в ограниченном количестве и, как правило, только подчеркивают пол, возраст или конфессию погибшего.

Надписи на поминальных знаках, выполняя разные информационные и коммуникативные функции, а в некоторых случаях становятся единственными проявлением индивидуальности погибшего.

Возможны два варианта развития данных явлений: анонимизация, выраженная временными поминальными знаками (цветы, венки, ленты), может смениться персонализацией при установке поминального знака с основным набором персональных данных погибшего; персонализация может смениться анонимизацией при смене поминального знака с основным набором персональных данных погибшего на знак, лишенных этих данных, а также в результате разрушения знака.

Представляется, что к персонализации и анонимизации можно применить утверждение М. Клаассенс, П. Гроота и Ф. Ванкляя относительно спонтанных и постоянных мемориалов: персонализация идентифицирует, «кто был убит», а анонимизация – «место, где кто-то был убит» [Klaassens, Groote, Vanclay, 2013, с. 169].

Таким образом, персонализация и индивидуализация места гибели, как справедливо отметили Д. Кларк и М. Францманн, особенно ярко свидетельствуют, что придорожные памятники не только «отмечают место смертельной аварии – это слишком рационально, слишком бюрократично, слишком реалистично, слишком современно; скорее, отношения с местом следует рассматривать в личном и духовном плане. Место становится важным, потому что в него вкладывается эмоциональная энергия утраты, горя и процессов запоминания» [Clark, Franzmann, 2006, с. 593–594].

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – Москва : Издательская группа «Прогресс» – Прогресс-Академия, 1992. – 527 с.
2. Матлин М. Г. Смерть в ландшафте: пространственный аспект современной традиции отмечать места гибели людей на автодорогах (на примере российских федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241) // Географический вестник. – 2021. – №4. – С. 59–72.
3. Матлин М. Г. Современная традиция отмечать места гибели людей на автодорогах (на примере российских федеральных трасс А 151, Р 178, Р 241) // Традиционная культура. – 2022. – Том 23. – №1. – С. 97–112.

4. Матлин М. Г., Сафронов Е. В. Кенотафы как одна из современных форм объективации памяти о погибших // Этнографическое обозрение. – 2014. – №2. – С. 36–47.
5. Петрова А. А. Фотографические практики северного села: изобразительный канон и коммуникативный потенциал [Электронный ресурс]. – URL : <http://cmb.rsuh.ru/print.html?id=254914> (дата обращения 23.09.2022).
6. Сантино Д. Перформативные коммеморативы: спонтанные святилища и публичная мемориализация смерти // Фольклор и антропология города. – 2019. – №1–2. – С. 14–26.
7. Bednar Robert M. Materializing Memory: The Public Lives of Roadside Crash Shrines // Memory Connection. – 2011. – Volume 1, №1. – P. 18–33.
8. Clark J., Cheshire A. Rip by the Roadside: A Comparative Study of Roadside Memorials in New South Wales, Australia, and Texas, United States // OMEGA – Journal of Death and Dying. – 2004. – Volume 48. – P. 203–222.
9. Clark J., Franzmann M. Authority from Grief, Presence and Place in the Making of Roadside Memorials // Death Studies. – 2006. – Volume 30, №6. – P. 579–599.
10. Hartig K. V., Dunn K. M. Roadside Memorials: Interpreting New Deathscapes in Newcastle, New South Wales // Australian Geographical Studies. – 1998. – Volume 36, №1. – P. 5–20.
11. Klaassens M., Groote P., Huigen P. Roadside memorials from a geographical perspective // Mortality. – 2009. – Volume 14, №2. – P. 187–201.
12. Klaassens M., Groote P., Vanclay F. Expressions of private mourning in public space: The evolving structure of spontaneous and permanent roadside memorials in the Netherlands // Death Studies. – 2013. – Volume 37, №. 2. – P. 145–171.
13. Nešporová O. The public remembrance of death – Roadside memorials // Sociologický časopis. – 2008. – Volume 44, №1. – P. 139–166.
14. Przybylska L., Flag M. The anonymity of roadside memorials in Poland // Mortality. – 2019. – Volume 25, № 2. – P. 208–219.

References

1. Ar'es, F. (1992). Chelovek pered litsom smerti, 527. Progress-Akademiia.
2. Matlin, M. G. (2021). Death in the landscape: a spatial aspect of the modern tradition of marking places of death on highways (a case study of the Russian federal highways A 151, R 178, R 241). Geograficheskii vestnik, 4, 59-72.
3. Matlin, M. G. (2022). The modern tradition of marking the places of peopl's deaths on highways (on the example of the Russian federal highways A 151, R 178, R 241). Traditsionnaia kul'tura, Tom 23, 1, 97-112.
4. Matlin, M. G., & Safronov, E. V. (2014). Cenotaphs as a contemporary form of objectivization of memory of the dead. Etnograficheskoe obozrenie, 2, 36-47.
5. Petrova, A. A. (2022). Fotograficheskie praktiki severnogo sela: izobrazitel'nyi kanon i kommunikativnyi potentsial. Retrieved from: <http://cmb.rsuh.ru/print.html?id=254914>
6. Santino, D. (2019). Performativnye kommеморативы: spontannye sviatilishcha i publichnaia memorializatsiia smerti. Fol'klor i antropologiiia goroda, 1, 14-26.
7. Robert, M. (2011). Bednar Materializing Memory: The Public Lives of Roadside Crash Shrines. Memory Connection, Volume 1, 1, 18.
8. Clark, J., & Cheshire, A. (2004). Rip by the Roadside: A Comparative Study of Roadside Memorials in New South Wales, Australia, and Texas, United States. OMEGA, Journal of Death and Dying, 48.
9. Clark, J., & Franzmann, M. (2006). Authority from Grief, Presence and Place in the Making of Roadside Memorials. Death Studies, Volume 30, 6, 579.
10. Hartig, K. V., & Dunn, K. M. (1998). Roadside Memorials: Interpreting New Deathscapes in Newcastle, New South Wales. Australian Geographical Studies, Volume 36, 1, 5.
11. Klaassens, M., Groote, P., & Huigen, P. (2009). Roadside memorials from a geographical perspective. Mortality, Volume 14, 2, 187.
12. Klaassens, M., Groote, P., & Vanclay, F. (2013). Expressions of private mourning in public space: The evolving structure of spontaneous and permanent roadside memorials in the Netherlands. Death Studies, Volume 37, 2, 145.
13. Nesporova, O. (2008). The public remembrance of death. Sociologicky casopis, Volume 44, 1, 139.
14. Przybylska, L., & Flag, M. (2019). The anonymity of roadside memorials in Poland. Mortality, Volume 25, 2, 208.

Информация об авторе

Матлин Михаил Гершенович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», научный сотрудник Центра развития и сохранения фольклора – Филиала Центра народной культуры Ульяновской области, Ульяновск, Российская Федерация.

Information about the author

Michael G. Matlin – doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian language, literature and journalism of FSBEI of HE "Ulyanovsk State University of Education", researcher at the Center for the development and preservation of folklore, a Branch of the Center for Folk Culture of the Ulyanovsk region, Ulyanovsk, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 12.10.2022

Принята к публикации / Accepted 20.12.2022

Опубликована / Published 23.12.2022